

Ретро

...Мальчишка лет пяти, прильнув к окошку, с завистью наблюдал за происходящим внизу. А там у подъезда стоял крытый грузовик, в который под присмотром людей в шинелях и синих фуражках с красным околышем усаживались люди с чемоданами и узлами. Куда они едут - спрашивал малыш у домашних. В Москву, не вдаваясь в подробности, отвечали взрослые, и мальчик начинал завидовать отъезжающим еще больше. Он уже знал, что в Москве находится всамделишный зоопарк, а в нем слоны и мартышки. Шел март 1949 года...

Расцветали яблони и груши

Эту историю о себе рассказал мне однажды в одном из перерывов на съемках фильма "Подъем" режиссер Юри Силларт. В своем режиссерском дебюте он поведал о той депортации. Следующий фильм "Научены смолоду", презентация которого только что прошла в центре "Сакала", Силларт посвятил замечательным 50-м. Дождь в этой картине идет только один раз, и часто звучит мотив популярной когда-то песенки "Вернись, тебя любовь зовет, вернись".

Сюжет "Научены смолоду" уместается в нескольких фразах. Конец весны, расцветивший цветением яблонь. Школа где-то вдали от больших городов. Ее будни. Директриса, типичная "училка", обремененная авоськами, смещенная, впрочем, позже строгой городской комиссией по расследованию... Военрук с неизменной "беломориной" в зубах, в пиджаке, из-под которого выглядывает наглухо застегнутая гимнастерка. Учитель биологии с наголо обритой головой в белом чесучовом костюме. Встречи компании старшеклассников в полуразрушенном доме, так никем и не заселенном после рокового марта. Пересуды в сельском магазине, где много товаров по дореформенным ценам. Сельские танцы. Ночное озеро. Двое влюбленных. Их друг. После нелепого выстрела погибнет именно он...

- Юри, создается впечатление, что в своих картинах ты вместе с Рейном Салури собираешься проследить всю историю послевоенной Эстонии. "Подъем" - конец сороковых, "Научены смолоду" - середина 50-х. Уточнение даже есть - фильм второй. Значит, будет, наверное, и третий? Скажем, про семидесятые?

- Про 70-е рановато, были еще 60-е и шестидесятники. И давай без громких слов: проследить историю - чересчур сильно сказано.

Конечно, это звучит банально, но все мы действительно родом из своего детства, из своей памяти. Никуда от нее не уйти. От воспоминаний горьких и страшных, связанных с депортацией, коллективизацией, и от других тоже не уйти, более поздних. Как бы там ни было, но жизнь продолжалась, и вслед за сороковыми пришли пятидесятые, солнечные какие-то и наивные. Знаешь, они ведь во всем мире были такими - солнечными и наивными. Это были совершенно прекрасные времена. Только что кончилась война, люди жили с надеждой, что самое страшное позади, и радовались жизни, солнцу, самим себе, принаряжались, совершали милые глупости, что-то напевали. Были, конечно, и проблемы, но не было ненависти, всю ее люди отдали недавней вой-

не. По-моему, это было время красивых людей, общительных, старавшихся выручать друг друга. Общее настроение тогда было удивительно светлым. Могу в чем-то ошибаться, но ведь это было моим отрочеством.

- А что ты привнес в картину из своего счастливого золотого отрочества?

- М-м-м... Нет, не могу сказать. Этого не выразить, как расскажешь настроение?

- А у тебя нет ощущения, что твоя картина распадается как бы на две части: первая, такая теплая, безыскусная, счастливая, а потом реальность неожиданно переходит в некую условность, появляется какая-то зыбкость, холодком вдруг веет. И потом совсем холодает - трагический финал.

- Может быть, не знаю. Все ведь подчинено логическому ходу вещей. Беспечность неожиданно оборачивается драмой. Добро, зло - все это так относитель-

но. Есть жизнь, и в ней всего понемешано. Но мне было очень важно, чтобы молодому герою фильма что-то приоткрылось, чтобы засветила для него на небе звезда и рассказала ему что-то очень важное.

- Мне показалось, что в твоём новом фильме нет главного героя.

- Наверное, это так. Каждому важно свое.

- Зато есть замечательная молодая героиня.

- Ты знаешь, в жизни Тийна Вилу совершенно неприметна. Мы начали ее снимать, посмотрели первый материал и вдруг увидели на экране красавицу. Так в кино нередко бывает.

- В твоей новой картине немало юных лиц, но встречаемся мы и с многими старыми знакомыми, с теми, кто делал с тобой "Подъем". Тут и сценарист Рейн Салури, и оператор Майт Мяэкиви, и, конечно же, многие артисты - Тыну Карк, Сулев Луйк, Анне Палувер, Мария Кленская. У тебя

уже есть своя команда?

- Скажу тебе честно: первая мысль, когда задумал картину, была сделать ее с той же группой, что и "Подъем". Потом от этой идеи отказался, зачем повторяться, подумал, тавтология какая-то получится, нет, не надо этого. И начал искать других актеров, избегая тех, кого так полюбил раньше. Но от любви ведь не уйдешь. И пройдя каким-то немыслимым кругом, я вдруг увидел перед собой тех же Тыну, Сулеву, Анне, Марию... И никакой преднамеренности или расчета в том не было. Судьба, значит, такая, так Бог хотел. И потом я не театральный режиссер, на съемочной площадке воспитывать некогда, потому предпочитаю артистов, которые понимают меня с полуслова. А раз это еще и Тыну Карк или Сулев Луйк, которым всегда есть, что сказать, так зачем же от добра искать добра?

- Поначалу ты задаешь зрителям загадку о времени действия картины: ребята маршируют по школьному двору, военрук поет "Катюшу", что могло быть и до войны и сразу после нее. Так и хотелось увидеть для ясности хоть один портретик какого-нибудь вождя.

- Я специально не вешал портретов, потому что снимал фильм без политики. У нас есть только одна сцена, когда под звуки горна и дробь барабанов все замирают перед знаменем пионерской дружины. Но тут флаг - не политика, а ритуал.

- Откуда же тогда ощущение раздвоения людей в раздвоенной жизни?

- Ей Богу ничего такого не имел в виду, наверное, это может родиться в результате, а так - никакой политики. Тут другое интересно. Мы снимали картину в августе, когда начался путч, и три дня не знали, удастся нам окончить фильм или нет. Были даже предложения переждать.

- Но снимать все-таки продолжал?

- Продолжал.

- Ты доволен своей картиной?

- Знаешь, что такое снимать кино? Переплывать бурную холодную реку. Утонуть ничего не стоит. По-моему, мы все-таки не утонули.

В.АНДРЕЕВ.

На снимке: кадр из фильма "Научены смолоду".